

ЕЛЕНА ГУСАРЕВА

Финалист конкурса Детской и Юношеской
КНИГИ ЛITPЕС

ПИСЬМО ИЗ БУНКЕРА

*История
Хельги
Теддельс*

16+

Елена Гусарева
Письмо из бункера

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Гусарева Е.

Письмо из бункера / Е. Гусарева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Что может быть хуже войны? Только проигранная война, апофеозом которой становится бессмысленная жертва родителей, отдающих своих детей в жертву неумолимому Молоху. Повесть рассказывает о последних днях семейства Геббельсов до самой их гибели сразу после самоубийства Гитлера в бункере рейхсканцелярии, в самом сердце Берлина. Повествование ведется от лица тринадцатилетней Хельги Геббельс, старшей дочери Йозефа Геббельса, которая, по словам очевидцев, понимала весь масштаб трагедии, происходящей с семьей. Хельга до последнего старалась спасти своих младших сестёр и брата.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Елена Гусарева

Письмо из бункера

*Из детей твоих не отдавай на служение Молоху,
и не бесчести Бога твоего. Я Господь.*

Левит 18:21, Библия

В разоренном Берлине апрельский дождь. Тонкие прозрачные руны на стеклах черного «мерседеса», а за ними алое зарево пылающих руин города. Утром долго бомбили, и сейчас еще хлестко взвизгивают редкие выстрелы, земля вздрагивает от далеких взрывов наступления. Дождь ненадолго убаюкал известковую пыль и пепел, но в воздухе отчетливо слышится едкий запах дыма, жженой солянки и резины.

Хельга вглядывается в сумерки, высунув нос за черную занавеску окна, и не узнает улиц родного города.

– Зачем куда-то ехать? – задумчиво шепчет она.

Ответ ей не нужен, но мать отвечает:

– Ваш отец и я преданы фюреру до конца. В час величайшего бедствия семья должна оставаться вместе. – Она жестом заставляет Хельгу задернуть занавеску, будто та способна спасти от случайной пули или осколка снаряда. – Ты слишком мала, чтобы иметь свое мнение. Будь ты старше, согласилась бы со мной.

Хельгу давно не удивляет, что мать считает герра Гитлера, идола и кумира миллионов немцев, частью семьи. Так было всегда. Имена всех шестерых детей Геббельсов начинаются на латинскую букву «Н». Сколько Хельга помнит, дядя Адольф всегда был рядом. Или это они всегда были там, где он.

– Куда, куда мы едем?! – повторяет Хильда, возбужденно прыгая на кожаном сидении, хотя ей уже не раз объясняли.

– Успокойся, милая, успокойся, – шепчет ей на ухо Хельга и обнимает за плечи, заставляя сидеть смирно и не толкать и без того сердитую мать. Хильда лишь на полтора года младше Хельги, ей одиннадцать, но разум ее слаб, как у пятилетнего ребенка.

– Бункер фюрера в имперской канцелярии – самое безопасное место. Вам нечего бояться. Все тревоги останутся позади. – Мать расправляет подол платья Хайди, сидящей у нее на коленях. – Восемь метров бетона не пробьет ни один снаряд.

– Восемь метров?! – Хельмут оборачивается с переднего сидения автомобиля. Глаза его горят мальчишеским интересом. Его одного радует переезд в штаб командования. Он с восхищением смотрит на отца, требуя подтверждения слов матери. Тот кивает, не отрывая сосредоточенного взгляда от замусоренной дороги, огибая горы битого кирпича, щебня и арматуры, изрешеченные осколками брошенные автомобили.

Проехали черные от копоти Бранденбургские ворота. Хельга наконец видит знакомый ориентир.

– Почему нельзя было остаться в деревне с бабушкой? Ведь там не бомбили и можно было гулять где вздумается, – канючит шестилетняя Хедда.

– Сколько можно надоедать мне? – сердится мать.

– Почему мы не взяли фройляйн Кети? Почему оставили ее на Геринг-штрассе? – вторит сестре Хольда.

– Фройляйн Хюбнер не место возле фюрера. В бункере будет кому о вас позаботиться.

Хольда хочет возразить, но мать легко шлепает ее по губам тыльной стороной ладони:

– Замолчите, дети! Вы мне надоели!

Шины скрежещут по битому асфальту. Из-под колес – брызги кирпичных обломков и щебня. Машину качает, она подпрыгивает на ухабах, как старый дилижанс.

Город крошится, исчезает в пыли. Повсюду свежие руины. Красивые здания на Вильгельмштрассе, будто праздничные пряники, покусанные гиганским чудовищем – полуразрушенные стены с торчащими прутьями арматуры, рухнувшие балки перекрытий и чёрные провалы окон с выбитыми стёклами.

Рейхсканцелярия тоже пострадала от бомбежек, особенно крыло вермахта. Машина миновала служебный въезд и пересекла запущенный, усеянный воронками сад. Несколько чудом уцелевших покореженных деревьев уродливо торчали между черными от гари клумбами, усыпанными осколками стекла и битым кирпичом.

Без четверти три они остановились у серого приземистого здания без окон. Двое солдат с автоматами наизготовке стояли у отворенного входа.

Отец стремительно вышел из машины, небрежным взмахом руки ответил на приветствие охраны, ступил в проход бункера и растворился в темноте. Один из солдат подошел к машине и распахнул заднюю дверцу. Хельга, потупив взгляд и отчего-то робея, спустила ноги в черных лаковых туфлях на пыльную, взрыхлённую огнем артиллерии, землю. Под подошвой хрустнула обугленная ветка.

– Прошу сюда, фройляйн. – Охранник указал на дощатый помост возле входа. – Хайль, фрау Геббельс! – он вытянулся и приветственно вскинул руку показавшейся из машины матери. – Добро пожаловать!

Младшие дети с шумом выбирались из «мерседеса». Их направляли ко входу в бункер, откуда только что вышла молодая темноволосая женщина в белом поварском переднике.

– Фройляйн Манциали, кухарка, – представилась она матери, присев в книксене. Мать ей кивнула.

Кухарка вдруг обратила лицо к небу и сделала несколько шагов в сторону от бункера, потом окинула быстрым взглядом сад и шумно втянула носом воздух.

– Извините, – сказала она, тут же возвращаясь, – давно не поднималась наверх.

– Дети, спускаемся! – приказала мать.

Издали доносился сигнал воздушной тревоги, но Хельге не хотелось в бункер, под землю. Она посмотрела на одинокое покалеченное дерево, росшее неподалеку. Ему некуда спрятаться. В его изломанных ветвях, покрытых свежей листвой, застряло покосившееся пустое гнездо.

– Хельга, помоги сестрам на лестнице, – настойчиво позвала мать.

Хельга взяла за руку юркую и непослушную Хедду и нехотя вошла в темный проход. Спуск в убежище освещался скудно. Чтобы не споткнуться, Хельга дотронулась до стены – та оказалась влажной и немного скользкой. Хельга отерла руку о подол платья. Тяжелый воздух с привкусом плесени обволакивал, прилипал к коже, как мокрая простыня.

– Фрау Геббельс, для вас с детьми приготовили комнаты в верхнем бункере, – объясняла на ходу фройляйн Манциали, шедшая впереди. – У герра Геббельса отдельный кабинет в нижнем бункере рядом с комнатами фюрера.

Хельга насчитала пятьдесят ступеней, и спуск оборвался глухой бронированной дверью. Когда фройляйн Манциали отворила ее, в глаза ударил яркий, слишком белый свет. Хельга невольно зажмурилась, но тщетно – будто светило прямо в голове. Даже глаза заслезились с непривычки. Кругом слышались взволнованные голоса. Хельга с трудом разжала веки. Мужчины, человек двадцать, в темно-серой военной форме стояли кучками вдоль стен длинного коридора, оставляя лишь узкий проход посередине. Дверь в тесную комнату слева была распахнута. Там, у секретарского стола, тоже толпились мужчины. Кто-то кричал в телефонную

трубку, но голос тонул в общем шуме, кто-то вслух читал с листа, перекладывая желтоватые страницы из папки на стол, молодая белокурая женщина тревожно стучала по клавишам пишущей машинки и хмурилась. В углу комнаты Хельга заметила фигуру в коричневом кителе и узнала отца, он стоял спиной и с кем-то разговаривал.

– Хельга, Хедда, не отставайте, – позвала мать.

Хельга потянула сестру за собой, но вдруг столкнулась с одним из военных. Вид у него был растрепанный: китель расстегнут, ворот засаленной, давно нестиранной сорочки, торчал наружу. Лицо белое и неживое, как маска – то ли пьян, то ли нездоров. От военного пахло сапожной кожей, потом и дезинфекцией. Хельга поспешила увести младшую сестру, пока та не испугалась и не разревелась.

Протискиваясь между людьми, они прошли в конец коридора к другой бронированной двери, ведущей на небольшую круговую лестницу. Пришлось подниматься, но не высоко. Они опять оказались в коридоре, но этот был пуст, не считая длинного обеденного стола и придвинутых к нему стульев. По обе стороны коридора – закрытые двери. Младшие дети, почувствовав себя свободнее, принялись бегать друг за дружкой и смеяться. Мать им позволила.

– А там что? – спросила она, указывая в конец коридора на еще одну приоткрытую бронированную дверь.

– Это проход в катакомбы под рейхсканцелярий, – ответила кухарка. – Там размещаются личные комнаты обслуживающего персонала, адъютантов, секретарей, телефонистов и всех, кому не хватило места здесь. Фрау Геббельс, пройдемте в детскую, – позвала она.

Хельга пошла за ними. В предназначенной для детей тесной комнате стояли двухъярусные железные кровати, гладко застеленные по-солдатски. Голые серые стены, низкий потолок и ни шкафа для одежды, ни стола или хотя бы стульев.

– Располагайтесь и готовьтесь ко сну, – велела Хельге мать.

Она выглядела усталой. Поминутно прикладывала руку к груди.

– А где же туалет и умывальник? – спросила Хельга.

– Туалеты есть только в нижнем бункере, – ответила кухарка.

– Вам не стоит там появляться, – строго заметила мать. – Фройляйн Манциали, нельзя ли принести детям воду для умывания и ночной горшок?

– Конечно, – кивнула та. – Пойдемте, я покажу вашу комнату. Вы, должно быть, хотите прилечь.

Кухарка и мать вышли. Хельга села на кровать и сжала руки в кулаки, сминая под пальцами тонкое шерстяное одеяло. Сверху, над потолком, глухо ухнуло, кровать слегка качнулась, мелко задрожали железные пружины – и ничего. Стены бетонной коробки устояли.

Хельга встала и пошла к сестрам и брату. В коридоре, где они играли, уже стояли чемоданы – их нехитрый багаж: смена одежды и несколько любимых игрушек, которые мать разрешила взять с собой. Хельга отнесла чемоданы в детскую, открыла, разложила игрушки по кроватям. Достала пижамы. Они все еще пахли домом и свежей стиркой. Фройляйн Кети отгладила их и аккуратно сложила в чемодан стопкой. Когда Хельга доставала белье, на пол скользнула веточка лаванды. Хельга подняла ее, повертела в пальцах и спрятала под подушку на кровати второго яруса, куда собиралась лечь сама.

Вернулась кухарка, она принесла ночной горшок, пару полотенец и кувшин с водой.

– Стало уютно, – заметила она с улыбкой, оглядывая детскую комнату. – Пойдем ужинать.

Дети уже расселись за столом в коридоре. На ужин им приготовили гренки с маслом и чай. Родителей не было, только кухарка и еще та самая белокурая молодая секретарша, что печатала на машинке в шумной комнате в нижнем бункере. Она механически жевала гренки, отхлебывала чай из железной кружки и молчала. Детей она не замечала, хотя временами следила взглядом за чем-то, будто у нее перед глазами показывали кино.

– Фрау Юнге, вы слышали, о чем говорилось на совещании у фюрера? – спросила кухарка осторожно.

– Нельзя было не услышать, – ответила та. – Он кричал, пока не потерял голос, сломал указку о стол... Он назвал генералов кучкой презренных лжецов и предателей. Генерал Кребс сообщил, что Штайнер отказался идти в наступление, его войска едва держат оборону Берлина. О контрнаступлении не может быть и речи.

– Неужели действительно все кончено?¹ – спросила кухарка шепотом.

Хельга наострила слух, стараясь понять, о ком разговаривают взрослые.

– Он сказал, что в такой обстановке невозможно командовать армией, – продолжала фрау Юнге, – что отныне все вольны поступать, как им вздумается.

– Мы обещали ему остаться. А теперь я не знаю... – кухарка комкала полотенце. – Самолеты все еще взлетают, но разве я могла бы, глядя ему в глаза сказать...

– Я тоже, – покачала головой фрау Юнге. – Мы все еще нужны ему, придется остаться.

– Да и куда нам идти сейчас? – тяжело вздохнула кухарка.

Будто в подтверждении ее слов наверху глухо прогремел взрыв.

– Ах, что же будет... – Фройляйн Манциали принялась собирать со стола грязную посуду.

Вскоре обе женщины ушли, оставив детей одних.

Хельга с трудом проглотила остатки еды, допила чай – аппетит пропал. Мать до конца ужина так и не появилась. Младшие какое-то время бродили по коридору, не зная, чем себя занять. Потом все отправились в детскую.

– Где же мама? Я хочу к маме, – хныкала младшая Хайди.

– Ей нездоровится, – Хельга посадила сестру к себе на колени. – Хочешь, я прочитаю тебе?

Из книжек родители позволили взять с собой только одну – «Мама, расскажи мне про Адольфа Гитлера!»² Хельга открыла ее наугад и принялась читать вслух: «Жил в Берлине гитлерюнге, звали его Герберт Норкус³. Он прилежно нёс свою службу. Его отец был штурмовиком и хорошо понимал, что сын тоже хочет помогать. Однажды Герберт с несколькими товарищами получил приказ разнести по домам листовки, чтобы люди пришли на митинг. Но их предали, и коммунисты узнали, когда будут разносить листовки. Рано утром Герберта с товарищами встретила на пути целая банда...»

– Я хочу быть как Герберт Норкус, – воскликнул Хельмут. – Он настоящий герой!

– Скучно! Скучно! – выдохнула Хольда и уткнулась носом в подушку. – Почему мама не позволила взять с собой сказки?

Хельга отложила книгу, она знала ее почти наизусть и тоже тосковала по привычной домашней обстановке не меньше сестры. Низкие серые стены давили со всех сторон, от сперттого сырого воздуха болела голова, но спать еще слишком рано, младшие не уснут. Обычно фройляйн Кети читала им перед сном сказки, а мать приходила поцеловать и погасить свет. Теперь Хельге самой придется развлекать их.

– Я кое-что придумала, – сказала она с наигранным воодушевлением.

– Что? Что ты придумала? – запрыгала неугомонная Хедда. С ней приходилось сложнее всего.

– Давайте нарисуем окно! – предложила Хельга. Она сама обрадовалась своей идее. – У нас есть карандаши и бумага. Приклеим его на стену и сразу станет веселее.

¹ 22го апреля 1945 года, на совещании в фюрербункере, Гитлер, по словам очевидцев, после вспышки неконтролируемого гнева впервые говорит, что война проиграна.

² Детская книга Йоханны Хаарер, написанная в стиле беседы мамы с детьми, в которой в доступной для ребенка форме подаются основные идеи НСДАП.

³ Немецкий юноша, член гитлерюгенда, погибший во время пропагандистской акции в ходе столкновений с коммунистами. В Третьем рейхе считался образцом для членов гитлерюгенда, «мучеником крови» движения.

Они тут же принялись за дело. Каждый хотел добавить к рисунку что-то свое: и солнце, и облака, и лужайку с цветами, и даже кролика, который получился вполне сносно. Хельмут хотел нарисовать солдата с автоматом, но сестры ему не позволили.

– Как же мы его приклеим на стену? – спросила Хольда, когда окно было готово.

– Можно повесить на гвоздь, – предложил Хельмут.

– Ты что, эти стены даже из пушки не пробьешь, – возразила Хельга. Как это она раньше не подумала. – Давайте пока оставим, а завтра я спрошу фрау Юнге. Она работает в канцелярии, возможно, у нее найдется клей. А теперь раздевайтесь и ложитесь в кровати.

– Разве мама не придет выключить свет? – спросила Хильда.

– Сегодня был тяжелый день, мама устала. – Хельга помогла сестре переодеться в пижаму. – Я выключу свет сама.

Так она и сделала. Комната погрузилась в полнейший мрак.

– Мне страшно, – заплакала маленькая Хайди.

Хельга легла рядом с ней, укутала одеялом. Вскоре сестра перестала возиться, задышала ровнее и уснула, посасывая палец.

Хельга тихо встала и на цыпочках вышла в коридор. Дверь в комнату матери была чуть приоткрыта. Хельга подошла и заглянула в щель. Мать лежала на кровати в ночной сорочке. Ее прическа была разобрана, волосы разметались по подушке. В белом свете потолочной лампы лицо матери казалось мраморным, плоским и как будто неживым. Отец сидел рядом. Он не раздевался – все в том же коричневом кителе, застегнутом на все пуговицы.

Хельга прислушалась. Отец говорил тихо, но Хельга расслышала:

– Я пытался уговорить его скрыться в резиденции в Берхтесгадене. Он ответил, что не хочет попасть врагу живым. У него нет сил пойти в бой со своими солдатами, и никто из верных соратников не застрелит его, если он попросит. Так что остается сделать это... Вот что он дал мне. – Отец достал из кармана коробочку и открыл ее. Хельга, как ни старалась, не смогла разглядеть содержимого. – Этого хватит на всех. Ты знаешь, что вытворяют русские солдаты с немецкими женщинами, занимая города... Мы должны принять решение, Магда. Ты готова?

Мать ничего не ответила. Она отвернулась к стене. Отец закрыл коробочку, встал и вышел из комнаты. Хельга не успела скрыться, он застал ее у дверей в детскую.

– Ты почему не спишь? – спросил он строго. – Вам велели ложиться.

– Дети спят, а я не хочу, – ответила Хельга. Она потупилась, но голос ее прозвучал упрямо.

– Многое изменилось, Хельга, – изрек отец, будто это требовало еще каких-то доказательств. – Ты уже большая, мы на тебя рассчитываем. У мамы больное сердце, ты должна помогать ей.

– Будешь мне приказывать, как своим солдатам? – она с вызовом посмотрела на него.

Ей хотелось, чтобы отец закричал, как всегда, вышел из себя. А он лишь устало потер впалые веки, ослабил галстук, и на шее показалась красная полоска от воротничка.

– Нет, больше никогда. – Он помолчал немного и добавил: – Возможно, скоро мы улетим на юг. Будь готова помочь маме собрать маленьких.

– Лучше бы мы остались наверху, – сказала Хельга с досадой.

– Иди спать, – бросил отец и ушел.

Хельга вернулась в комнату к детям. Пошарив вслепую в чемодане на полу, она нашла лист бумаги и карандаш. Потом вернулась в столовую, села за стол и принялась писать: *«22-е апреля. Мой дорогой Генрих! Я, может быть, неправильно поступила, что не отправила тебе того письма, которое написала в ответ на твое. Я, наверное, должна была его послать, и я могла бы передать с доктором Мореллем, который сегодня уехал из Берлина. Но я перечитала свое письмо, и мне стало смешно и стыдно за себя. Ты пишешь о таких сложных вещах, о которых нужно много думать, чтобы их понять, а я со своей вечной торопливостью и напи-*

ной привычкой всех поучать отвечаю совсем не так, как ты, наверное, ждешь от меня. Но теперь у меня появится время обдумать все; теперь я смогу много думать и меньше куда-то торопиться...»⁴

И опять этот ослепительно-яркий свет. Океан колыхается, качает, шепчет, искрится до самого горизонта. Легкий бриз, распушенные косы и белые ленты, ленты, ленты... Они плывут по ветру и нежно трепещут. Белая палуба, длинная, долгая. Скамьи в ряд под белыми зонтиками. Вытянутые скрещенные ноги на шезлонге в белых брюках, а лицо спряталось в бархатной тени за раскрытой книгой.

«Милый мой Генрих, – восклицает Хельга, – мы плывем в Америку!»

Она открывает глаза и видит серый низкий потолок. Свет слепит глаза. Кто-то заходил в детскую и включил его. Должно быть, пора вставать.

Хельга приподнялась и, опираясь на локоть, посмотрела вниз. Сестры – Хильда, Хедда и Хайди, расположились на соседней кровати и играли в куклы. Хольда еще спала, она всегда встает последней. Брата в комнате не было, но стоило Хельге о нем подумать, как он вошел с вислоухим щенком на руках. За Хельмутом в комнату протиснулась взрослая немецкая овчарка.

– Смотрите, кого я нашел в прачечной, – Хельмут поднял щенка на вытянутых руках. Тот свесил толстые лапы, умилительно разинул пасть и сладко зевнул, заострив язык и показав частые мелкие зубы. – Там еще трое, пойдемте, покажу.

Девочки настороженно смотрели на мощную рыже-черную овчарку и не двигались с места.

– Это Блонди. Не бойтесь, она очень умная. – Хельга скинула сорочку, надела вчерашнее коричневое платье и спустилась с верхнего яруса кровати. Она дала Блонди понюхать руку для приветствия. – Мы с ней знакомы. Разве вы ее не помните?

Сестры покачали головами.

– Я не знала, что у тебя щенки. – Хельга погладила собаку по крупному покатоному лбу.

Овчарка вяло помахала хвостом в ответ и, вытянув шею, понюхала щенка.

– Это собака фюрера, – гордо заявил Хельмут.

– Да, надо бы отвести ее фройляйн Браун⁵. Хотя, кажется, раньше она ее недолюбливала.

– Папа запретил ходить в нижний бункер, – проворчал Хельмут, продолжая тискать щенка.

Хельга тотчас решила непременно пойти.

– Блонди, ко мне! – она вышла в коридор. – За мной, Блонди! Найдем твоего хозяина.

Хельга взяла овчарку за толстый кожаный ошейник, и та нехотя пошла рядом. Но не дойдя до лестницы в нижний бункер, Блонди свернула в прачечную. Все уговоры оказались напрасными, упрямая собака растянулась на полу и принялась кормить щенков. Хельга опустилась на пол рядом, положила ее голову себе на колени и просидела так с полчаса.

– Наверное кто-то отвязал тебя, – приговаривала она, глядя собаку, – а герр Гитлер ищет...

Он и в правду искал. Кухарка привела его в прачечную.

⁴ Здесь и далее курсивом отрывки из письма 13-летней дочери Геббельсов – Хельги, написанное ею в бункере Гитлера незадолго до смерти. Письмо адресовано другу – Генриху Лею, сыну Роберта Лея, рейхсляйтера и обергруппенфюрера СС. Перевод письма Елены Съяновой, впервые опубликовано в журнале «Знание – сила». Подлинность письма не установлена.

⁵ Имеется в виду Ева Браун, сожительница и в последствии законная супруга Адольфа Гитлера.

Хельга не видела его, должно быть, около года. Он разительно изменился с тех пор. Лицо обвисло и потеряло живые краски, посерело в тон неизменному темно-серому кителю. Хельга не помнила, чтобы он одевался по-другому. Волосы его, расчесанные на прямой пробор, поблекли, виски совсем поседели. Щеточка усов над верхней губой нелепо топорщилась. Герр Гитлер, всегда очень чистоплотный и ухоженный, теперь казался обрюзгшим одутловатым стариком. Его левая рука, заложенная за пуговицу кителя, заметно дрожала.

Фюрер ласково погладил Хельгу по голове, поцеловал в макушку.

– Смотри, что она умеет, – сказал он, делая собаке знак рукой. Та села на задние лапы, вытянула шею и тонко завыла. – Блонди, пой глубже. Пой, как Сара Леандер⁶, – приказал фюрер.

Собака тотчас повиновалась, голос ее стал мощнее и глубже.

– Она удивительное существо, – любовно изрек фюрер, одобрительно глядя на Блонди. – Столько сообразительности у животного. Некоторые люди не могут похвастаться таким умом.

Он вышел из тесной прачечной и присвистнул:

– Блонди, за мной!

Собака, которую, казалось, невозможно было сдвинуть с места и оторвать от щенков, вскочила и тут же оказалась у ног хозяина.

– Молодец! – он похлопал ее по боку. – Хорошая собака, послушная собака. Не то что эти псы из моего окружения, которыми мне приходится командовать.

– Я хотела привести Блонди к вам, но она заупрямилась, а вас послушалась сразу, – восхитилась Хельга. – Родители все равно не разрешают мне спускаться в нижний бункер.

– Деточка, ты можешь ходить здесь повсюду, где тебе захочется. Скажи родителям, что дядя Адольф разрешил. Фройляйн Манциали, – окликнул он кухарку, которая возилась с тарелками возле обеденного стола, – дети уже позавтракали?

– Еще нет, мой фюрер, – отрапортовала та, тотчас бросив себе занятие. Она выпрямилась и сложила руки в замок у пояса.

– Тогда накормите их чем-нибудь вкусным, – велел Гитлер. – У нас еще остался клубничный джем?

– Да, мой фюрер, – Фройляйн Манциали почтительно наклонила голову.

Фюрер погладил Хельгу по щеке на прощание, а потом взял за ошейник собаку и повел за собой.

После завтрака Хельга ушла в детскую. Там она расположилась на кровати с карандашом и бумагой и принялась за сочинительство. Она так увлеклась, что не заметила, как вошел отец.

– Что ты пишешь? – спросил он, немного напугав Хельгу.

Она вздрогнула, смутилась.

– Это рассказ... про Людвигу. Как он спас одного мальчишку в океане. Услышал его зов и приплыл на помощь. Папа, ты не знаешь, сколько живут дельфины?

Отец смотрел в сторону на нарисованное окно на стене и, кажется, не услышал вопроса.

– Ты не знаешь, сколько живут дельфины? – повторила Хельга.

– Не знаю, – отозвался он наконец. – В твоём возрасте я исписал ворох бумаги – и все зря, – изрек он задумчиво. – Ты слишком мала, тебе еще нечего сказать. Лучше заучивай наизусть из «Фауста». – Он развернулся, чтобы уйти. Потом вдруг оглянулся и продекламировал: «Кто мыслью беден и усидчив, кропает понапрасну пересказ заимствованных отовсюду фраз, все дело выдержками ограничив»⁷.

Когда отец ушел, Хельга долго думала над его словами. И опять ей хотелось возражать ему. Почему всегда так получается, что на каждое его слово у нее находится свое, не менее

⁶ Сара Леандер (1907-1981) – шведская киноактриса и певица, работала, в основном, в Германии.

⁷ Цитата из трагедии «Фауст» Иоганна Вольфганга Гёте.

веское и, пожалуй, более правильное. Вот и сейчас она вспомнила совсем другие строчки из того же «Фауста»: «Когда всерьез владеет что-то вами, не станете вы гнаться за словами...» Как может отец судить о том, чего не читал? Какое понятие он имеет о ее способностях? Хельга написала рассказ, потому что для нее это важно, потому что она любит Людвига больше всех живых существ на свете, хоть он всего лишь дельфин. Он вылечил Генриха, когда тот болел. Разве он не герой? А как бы ей хотелось сейчас поплавать с Людвигом, а не сидеть в этом мрачном подземелье с белым светом и серыми стенами. Здесь она чувствовала себя больной, и порой ей казалось, что она не узнает людей. Она не узнала герра Гитлера сегодня. Отец здесь выглядит по-другому, глаза его совсем ввалились и будто остекленели – ничего не видят. Мать бледна и почти не выходит из своей комнаты, а когда выходит – передвигается как тень, опираясь о стены коридоров. И даже дети здесь другие, невеселые и тихие, непохожие на себя.

Хельга отложила тетрадь и, вспомнив разрешение ходить где вздумается, решила воспользоваться им прямо сейчас.

В коридоре нижнего бункера во всем чувствовался беспорядок. Военные разных чинов занимались кто чем. Одни, казалось, были поглощены делом: разговаривали вполголоса, стоя в стороне, перебирали листы документов или ходили взад и вперед, черкая на ходу карандашами по бумаге. Другие дремали, сидя на стульях вдоль стены. Хельгу толкнул локтем пьяный, расхристанного вида офицер. Он, никого не замечая вокруг, спешил, должно быть, в отхожее место. В свете потолочных ламп тончайшим полотном тянулся табачный дым, смешиваясь с едким запахом мужского пота и влажной погребной затхлостью. Хельга знала, что герр Гитлер не любил, когда при нем курят. Должно быть, теперь ему все равно. Каждый вздох давался Хельге с неохотой. Она прошла дальше по коридору, минуя помещение узла связи, где стоял громоздкий телефонный коммутатор, пара столов с пишущими машинками и стулья в беспорядке. Дверь комнаты напротив оказалась приоткрытой. Оттуда доносился резкий клокочущий ненавистью голос. Хельга остановилась и прислушалась.

– ... Толстый продажный лентяй! Этот выскочка бросил люфтваффе на произвол судьбы! Его пример позволил коррупции распространиться по всей стране! Я всегда все о нем знал! Этот морфинист смеет заявлять, что я не способен принимать решения?! А завтра он объявит меня мертвым?! – Хельга узнала голос герра Гитлера и поразила его жестокости. С ней он всегда был ласков, она не подозревала в нем способности кого-то так люто ненавидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.